

Из комментаторских заметок

Н.А. Богомолов

Аннотация: В данных заметках приводится уточнение к адресации записки Андрея Белого (1916), восстанавливается контекст песни Владимира Высоцкого «Ой, где был я вчера...» и предпринимается попытка объяснить неожиданную цитату из М.М. Хераскова в раннем стихотворении Вл. Ходасевича «Ворожба» (1913).

Ключевые слова: комментарий историко-литературный, интертекстуальный комментарий, Андрей Белый, Владимир Высоцкий, Владислав Ходасевич, цитаты, реминисценции.

Информация об авторе: Николай Алексеевич Богомолов, д.ф.н., профессор МГУ, Москва. E-mail: nab50@mail.ru

1. PRO DOMO SUA

Публикуя переписку Андрея Белого с В.И. Ивановым, автор этих заметок вместе с Дж. Малмстадом включили туда такую записку:

45. Андрей Белый — Иванову

1 декабря 1916 года. Москва

Прошу дать место на моей сегодняшней лекции (1-го декабря 16 года)* Марье Михайловне Замятниной по возможности ближе.

Б. Бугаев.

После этого следовали текстологическая справка и примечание:

«На визитке Бориса Николаевича Бугаева с адресом: “Арбат, Никольский 22 кв. 5”. На конверте: Е.В. Вячеславу Ивановичу Иванову (от А. Белого). Кв. 9. Карточка исписана карандашом М.М. Замятниной.

* Белый выступил с публичной лекцией “Творчество мира”, устроенной Обществом друзей Грибоедовской библиотеки, в Большой аудитории Политехнического музея 1 декабря 1916 года (печатную повестку см.: РГБ. Ф. 25. Карт. 31. № 14. Л. 16)»¹.

---

¹ Русская литература. 2015. № 2. С. 99.

Однако сейчас, когда изучение смежных сюжетов заставило нас снова взглянуть на эту записку, стало понятно, что ее не следовало включать в корпус переписки. Дело в том, что Иванова в это время в Москве не было. Л.В. Иванова вспоминала: «Летом 1916 года мы наняли вместе с Эрнами дачу в Красной Поляне — несколько десятков верст к югу от Гагр. [...] После Красной Поляны Вячеслав, проделав двухнедельный курс лечения грязями в Мацесте (около Сочи), поселился с Верой и Димой в пансионе “Светлана” в Сочи и не возвратился на зиму в Москву, оставшись на своем любимом юге целый год, т.е. до ранней осени 1917. Я же вернулась с Марусей в Москву для своих занятий в консерватории»².

То есть формально записка адресована Иванову, но реально она предназначалась жившей в квартире на Zubовском бульваре М.М. Замятниной и должна была сыграть роль контрамарки.

2. КТО ЖЕ ПОКУРОЛЕСИЛ?

Ой, где был я вчера — не найду, хоть убей!
Только помню, что стены — с обоями...
Помню — Клавка была, и подруга при ей,
Целовался на кухне с обоими.

А наутро я встал —
Мне давай сообщать,
Что хозяйку ругал,
Всех хотел застращать,
Будто голым скакал,
Будто песни орал,
А отец, говорил,
У меня — генерал!

А потом рвал рубаху и бил себя в грудь,
Говорил, будто все меня продали.
И гостям, говорят, не давал продыхнуть —
Донимал их своими аккордами.

А потом кончил пить —
Потому что устал, —
Начал об пол крушить
Благородный хрусталь,
Лил на стены вино,
А кофейный сервиз,
Растворивши окно,
Взял да выбросил вниз.

И никто мне не мог даже слова сказать.
Но потом потихоньку оправились —

² *Иванова Лидия*. Воспоминания. Книга об отце / Подг. текста и коммент. Джона Мальмстада. [Paris, 1992]. С. 64, 67.

Навалились гурьбой, стали руки вязать,
 А в конце уже — все позабавились.

 Кто — плевал мне в лицо,
     А кто — водку лил в рот,
 А какой-то танцор
     Бил ногами в живот...
 Молодая вдова,
     Верность слову храня, —
 Ведь живём одна —
     Пожалела меня.

 И бледнел я на кухне разбитым лицом,
 Делал вид, что пошел на попятную:
 «Развяжите, — кричал, — да и дело с концом!»
 Развязали, — но вилки попрятали.

 Тут вообще началось —
     Не опишешь в словах, —
 И откуда взялось
     Столько силы в руках...
 Я, как раненый зверь,
     Напоследок чудил:
 Выбил окна и дверь
     И балкон уронил.

 Ой, где был я вчера — не найду днем с огнем!
 Только помню, что стены — с обоями, —
 И осталось лицо — и побои на нём, —
 Ну, куда теперь выйти с побоями!

 ...Если правда оно —
     Ну, хотя бы на треть, —
 Остается одно:
     Только лечь помереть!
 Хорошо, что вдова
     Все смогла пережить,
 Пожалела меня —
     И взяла к себе жить³.

Эта песня Владимира Высоцкого часто звучала в его исполнении, начиная с 1967-го, когда была написана, до последнего года жизни. Текст если и менялся, то совершенно незначительно (кажется, единственно достойно упоминания, что в первом исполнении ст. 12 звучал: «Донимал их блатными аккордами»)⁴. Наибольшим интересом у слушателей, мемуаристов, а затем и исследователей

³ *Высоцкий Владимир*. Сочинения: В 2 т. / Сост., подг. текста и комм. А. Крылова / Изд. 13-е, исправленное. М., 1999. Т. 1. С. 141–142.

⁴ Отметим также, что у нее в разное время были разные заглавия: по первой строке, «Покуролесил», «Ну и погулял», «Путешествие в прошлое» (Там же. С. 487).

пользовались разыскания о возможной прототипической основе стихов. При этом практически не было сомнений в том, что они опираются на личный опыт автора и его ближайших друзей.

Актриса, а впоследствии литератор К.С. Филиппова, учившаяся в Школе-студии МХАТ двумя годами старше Высоцкого, рассказала такую историю собирателю фактов из жизни поэта Марку Цыбульскому: «Мы, взрослые дураки, катались во дворе на санках. Возвращаемся, а соседка говорит мне: “У тебя кто-то дома”. А я никогда не закрывала комнату. Вхожу — незнакомые люди. И вдруг из-за плеча появляется Володя и говорит: “А мы всё съели”. Никогда этого не забуду! А потом Володя написал эту песню: “Помню, Клавка была и подруга при ней...” Вообще, никаких безобразий там не было, получился очень смешной вечер. Я только спросила потом: “Володя, я же на первом этаже живу! Какой там балкон?” Он посмотрел на меня так грустно-грустно... Кажется, с мыслью: “Табуретка ты несчастная! Не догадываешься, что художнику может подарить фантазия?”. А на вопрос интервьюера: «По какому адресу Вы тогда жили?» — она ответила: «Это огромный дом на Садово-Черногрязской, угол Земляного вала. Квартира 17, а дом, кажется, 3/21»⁵. В комментариях относительно всей этой ситуации тот же Марк Цыбульский говорил: «“Помню Клавка была и подруга при ней” — Карина Филиппова и сценарист Дина Калиновская, автор пьесы “Баллада о безрассудстве”, которая вместе с Высоцким работала над сценарием фильма “Помните, война случилась в сорок первом...” О том, как появилась эта песня, рассказали мне обе дамы. Когда будет опубликована моя беседа с К. Филипповой (в мужестве Диодоровой) — узнаете подробности»⁶.

Честно сказать, тут не очень понятна связь текста и воспоминаний. Если «никаких безобразий там не было», то, значит, песня о чем-то совсем другом. По контексту воспоминаний Филипповой — о молодости и любви.

В неоднократно повторенных воспоминаниях Л. Пыревой время от времени появляется утверждение, что песня эта связана с тем, что однажды она на некоторое время поселила у себя в квартире Высоцкого и Кохановского, а вернувшись, нашла многочисленные свидетельства длительного загула⁷. Однако, кажется, это некая аберрация памяти, поскольку «молодой вдовой» Пырьева стала через год после того, как песня была написана.

---

⁵ Цыбульский Марк. Время Владимира Высоцкого. Ростов-на-Дону, 2009. С. 363–364.

⁶ <http://ubb.kulichki.com/ubb/Forum53/HTML/001180-2.html> (дата обращения 03.03.2017).

⁷ См.: *Высоцкий Владимир*. Летела жизнь в плохом автомобиле... / Сост. и комм. П.Е. Фокина. СПб., 2012. С. 91.

Наконец, третья версия была обнаружена в интернете И. Рубинштейном со ссылкой на автора мемуаров о Высоцком Д. Карапетяна: «На мой вопрос, почему этот свой рассказ он не включил в книгу, Давид ответил, что не нашел ему там места. Сейчас попробую максимально близко к тексту воспроизвести рассказ Давида. «Мы сидели у меня дома с Ларисой и Андреем (Тарковскими. — *И.Р.*). Пили какое-то вино. И я поставил кассету Володи. Когда началась песня “Ой, где был я вчера” и Володя допел до слов “а кофейный сервиз, растворивши окно, взял и выбросил вниз”, Лариса закричала Андрею: “Так это же он после того случая написал”! И Андрей кивнул. Я спросил: “После какого случая”? И Лариса рассказала, что где-то полгода назад она, Андрей, Володя, Макаров и кто-то еще что-то отмечали у них в квартире. И Артур (Макаров. — *И.Р.*) стал, как всегда, философствовать на тему, что настоящий художник должен заниматься самоуничтожением. Только в тот раз он в свою идиотскую теорию впледел еще и то, что художник не имеет права быть мещанином. Ну то есть заниматься накопительством и покупать дорогие вещи. И тут же, представляешь, он берет со шкафа дорогую хрустальную вазу и на глазах у всех разбивает её об пол. После этого он подбегает к серванту, а там у Андрея какой-то дорогой сервиз стоял. То ли чешский, то ли польский. И вот Макаров отодвигает стекло и говорит: “А этот сервиз нужно вообще с балкона на х...й”. В общем они еле его тогда успокоили. И сервиз цел остался»⁸.

Как хорошо известно, Высоцкий с молодости входил в одну компанию с А.А. Тарковским, дважды имел шанс сыграть в его фильмах — «Ивановом детстве» и «Андрее Рублеве», но по разным причинам этого не случилось⁹. Но и Чудаков во время подготовки к съемкам «Андрея Рублева» рассматривался как кандидат на одну из главных ролей — Бориски¹⁰. И сам Высоцкий к случаю упоминал А.А. Тарковского как человека, который чувствовал себя связанным с событиями этой песни¹¹.

---

⁸ <http://vysotsky.ws/index.php?showtopic=393&st=15> Запись датирована 9 октября 2008. Дата обращения 03.03.2017. Артур Сергеевич Макаров (1931–1995) — писатель, сценарист, близкий знакомый как В. Высоцкого, так и А. Тарковского еще с молодости. Откликаясь на текст Рубинштейна, М. Цыбульский сообщил: «Если на то пошло, то у нас уже даже не два, а три источника! Ещё один — моя беседа с Мариной Филипповой. Кстати, Дина Калиновская с версией К.Филипповой согласна, а вот Л. Пырьева, которую я тоже об этой песне спрашивал, уже не так уверена, что она имеет к этому отношение».

⁹ Подробнее см.: *Новиков Вл. И.* Скандинавские встречи // Мир Высоцкого: Исследования и материалы. М., 1999. Вып. III, т. 2. С. 453–460.

¹⁰ См.: *Чудаков Сергей.* Справка по личному делу. [М., 2014]. С. 296–299.

¹¹ См.: *Высоцкий Владимир.* Летела жизнь в плохом автомобиле... С. 90.

При всей типичности истории, воссозданной в стихотворении-песне с некоторым понятным гиперболизмом, нам представляется, что на ее возникновение более всего повлияла история, рассказанная актером Львом Прыгуновым, посвятившим свою книгу воспоминаний поэту Сергею Чудакову. Вот она:

«Чудаков отличал Ольгу Бган; и в году 66-м, к их несчастью, они оказались вместе первого мая в ресторане Дома литераторов. После ресторана все поехали к Ольге Бган — они жили в доме у метро «Аэропорт» на одном из последних этажей. Там поддали еще, а Сережа заснул на диване. Ребятам надо было куда-то сходить на полчаса, и они, не разбудив Чудакова, решили его оставить на время у себя и закрыли квартиру на ключ. В это время начался салют в честь Первомая, который его тут же разбудил. На Чудакова — я это заметил уже давно — очень возбуждающе действовали громкие звуки и особенно его собственные крики. И тут салют плюс алкоголь сделали свое дело — у Сережи поехала крыша, и он после каждого залпа с криком: “Да здравствует Первое мая!” с балкона стал выкидывать на заполненный людьми тротуар все вещи, которые попадали ему под руки: телевизор, книжные полки, торшеры, чемоданы, столы и тумбочки; он успел выкинуть диван, на котором спал, и даже холодильник, и все это время дико хохотал и кричал: “Да здравствует Первое мая!” Милиция взломала входную дверь только когда в квартире уже почти ничего не осталось, а Сережа тащил к балкону снятую с петель кухонную дверь. Его скрутили и отправили в отделение милиции, где он оказался в компании пьяных, но еще не полностью деклассированных элементов (отделение милиции обслуживало дома членов Союза писателей). Он попал в комнату, разделенную наспех сколоченной из свежих досок стенкой, за которой были такие же провинившиеся. Я очень хорошо представляю Чудакова в этой ситуации: возбужденный, со звериным оскалом, он стал собирать у всех, кто там был, всякие бумажки, носовые платки, отодрал какие-то щепки от досок, у кого-то нашел припрятанные спички, сложил под деревянной стенкой небольшую кучку горючего материала и зажег небольшой костерчик. Когда стала гореть стенка и обе комнаты наполнились дымом, все начали орать: “Пожар! Горим!”. Милиционеры ворвались в комнату, и половина задержанных и, естественно, Чудаков выскочили на свободу. Обо всем этом Сережа рассказывал мне в лицах и мизансценах, очень довольный собой. А у ребят-актеров была самая настоящая трагедия. Вот с этого случая я стал относиться к Чудакову с большой осторожностью»¹².

Схожий эпизод есть в повести О. Михайлова «Час разлуки», где Чудаков выведен под фамилией Смахачев: «Настя качнула го-

---

¹² *Прыгунов Лев*. Сергей Иванович Чудаков и др. (Из частных хроник 60-х, 70-х, 80-х и 90-х). М., 2011. С. 160–161. Ольга Павловна Бган (1936–1978), актриса театра и кино. В устных мемуарах Прыгунова о Высоцком, записанных М. Цыбульским, этот случай не упоминается.

ловой. Смехачев размахнулся и ударил ее по лицу открытой ладонью. Затем он решительно прошел сквозь дверь, с грохотом обрушил на себя стекло и, только слегка поцарапанный, почти невредимый, предстал перед переполошенными зрителями. [...] Смехачев был невменяем, почти безумен. Он рвался к Насте, но его крепко держали...»¹³.

Биография С.И. Чудакова (1937–1997), воссозданная В. Орловым и И. Ахметьевым с подлинной виртуозностью по рассказам современников и сохранившимся документам, добавляет к этому рассказу несколько черт, делающих текст жизни и художественный текст еще более близкими. Прежде всего, это, конечно, насыщенность атмосферы эротизмом. Чудаков вошел в историю неофициальной культуры советского времени не только как незаурядный поэт и яркая личность, но и как человек, постоянно окруженный женщинами, вплоть до того, что какую-то часть из них он за плату сводил с состоятельными людьми. Но и его собственная любовная биография, судя по рассказам современников, была важнейшей составной частью жизни, как и у персонажа песни Высоцкого.

Находится любопытная параллель к словам: «Будто голым скакал». Еще школьником он «...в конце декабря 1953 с классом был в Планетарии, приставал к лектору во время доклада, был выведен, раскритичался, разделся там же в Планетарии до белья, упал [...] Была вызвана скорая медицинская помощь»¹⁴. Про то, что: «А отец, говорил, у меня — генерал!» (во многих исполнениях песни последнее слово Высоцкий особенно выделяет), автор песни мог знать. В сознании современников Чудаков запечатлелся как сын высокого гулаговского руководителя, начальника одного из колымских лагерей¹⁵.

Конечно, было бы наивно утверждать, что Высоцкий документально описывает скандальное поведение С. Чудакова. В тех компаниях, где он бывал, нечто подобное наверняка случалось не раз, да и сам Высоцкий, что греха таить, мог поутру раскаиваться вроде своего героя. Но все же выбрасывание предметов домашнего обихода и даже конструктивных элементов квартиры в окно — слишком сильный прием, чтобы не удивиться его повторению.

---

¹³ Цит. по.: *Чудаков Сергей*. Справка по личному делу. С. 262–263.

¹⁴ *Чудаков Сергей*. Справка по личному делу. С. 228. И в 1988 г. соседи Чудакова жаловались в милицию: «...бегает по лестничной клетке в обнаженном виде, размахивая гирей и выкрикивая всевозможные угрозы в наш адрес» (Там же. С. 415).

¹⁵ См. свидетельства О.Н. Михайлова, Е.А. Евтушенко, Л.А. Аннинского, С.Г. Бочарова, Ю.Б. Борева (Там же. С. 225). Среди документальных свидетельств, собранных составителями тома, есть сведения о том, что отец Чудакова был вовсе не генералом, а капитаном, однако еще в феврале 2017 г. русская Википедия повторяла слова Е.Б. Рейна о том, что он был генерал-майором КГБ.

И если это так, то мы должны в своих суждениях о поэзии Высоцкого выходить за пределы классической русской и советской поэзии, с большей или меньшей степенью осторожности связывая ее и с культурой московского самиздата. Напомним, что стихи Чудакова печатались в журнале А. Гинзбурга «Синтаксис» (1959, № 1) вместе с И. Холиным и Г. Сапгиром, а во второй номер вошли стихи Б. Ахмадулиной и Б. Окуджавы. Параллель между стихами Чудакова и Высоцкого обнаружила Л. Томенчук¹⁶. В конце концов сама поэзия Высоцкого стала фактом самиздата, причем одним из самых значительных: по рассказам людей, работавших на больших ЭВМ, на каждой или почти на каждой из них был уголок, куда прятались неподцензурные тексты от Баркова до Стругацких, и наиболее постоянным из них был сборник Высоцкого¹⁷.

Интертекстуальный комментарий будет обязан учесть стихотворение Андрея Вознесенского «Римские праздники» (1963):

Бомбой ахают бутылки
из окон,
из окон,
ну, а этот забулдыга
ванну выпер на балкон.

А над площадью Испании,
как летающий тарел,
вылетает муж из спальни —
устарел, устарел!

В ресторане ловят голого...¹⁸

К обсуждению этой параллели следует учесть, что данное стихотворение Вознесенского входило в спектакль театра на Таганке «Антимиры», и, если нас не обманывает слух, одним из принимавших участие в его инсценировке был Высоцкий¹⁹.

Для стиховедческого комментария, буде такой появится, представляют интерес рифмы в четных строфах стихотворения. Они по своей ритмической структуре отличаются от нечетных, хотя метр один и тот же — 4-стопный анапест. Но в нечетных строфах нет

¹⁶ <http://about-visotsky.livejournal.com/126749.html?thread=1326877#t1326877> (дата обращения 03.03.2017).

¹⁷ О связи наследия Высоцкого с традицией самиздата см.: *Лурье Эрлена*. Глухое время самиздата. СПб., 2009.

¹⁸ *Вознесенский Андрей*. Стихотворения и поэмы. СПб., 2015. Т. 1. С. 149–150. Параллель указана нам И.Н. Арзамасцевой. Попутно заметим, что «Вылетает муж из спальни», — отсылка к «Мойдодыру» К.И. Чуковского.

¹⁹ См.: <http://teatr.audio/teatr-na-taganke-antimiry-300y-spektakl> (дата обращения 03.03.2017). С другой стороны, одно из первых исполнений «Покурорлесил» было дома у Андрея Вознесенского 26 марта 1967 г.

регулярной цезуры, а в четных она появляется после 6-го слога, что дает возможность текстологам печатать (видимо, в зависимости от своих личных пристрастий) эти строфы то в 4, то в 8 строк, давая возможность истолковывать их как двустопный анапест.

Последняя ориентация (принятая тем изданием, по которому песня напечатана выше) подчеркивается отчетливыми рифмами. Во всех восьмистишиях — будем ориентироваться на это графическое расположение — первые 4 строки зарифмованы по схеме *abab*, а вот вторые различаются. В первом случае — *ccbc*, далее в трех восьмистишиях — продолжается перекрестная рифмовка, а в последнем четверостишии рифмы вдруг становятся абсолютно неумелыми: «вдова — меня» и «пережить — жить».

Первый случай объясним легко: перед нами еще не установившееся построение, которое может быть повернуто в зависимости от намерений автора. Сложнее второй.

В очень спорной книге о поэзии Высоцкого читаем: «...если на уровне подтекста в роскошной квартире, в которой происходит все действие, видеть олицетворение “дома” власть имущих, устроивших у себя пир и пригласивших для развлечения своих гостей лирического героя с гитарой, [...] то становится понятным, что антиобщественное поведение лирического героя Высоцкого — это форма его “несогласия и бунта”, выражение ненависти к властям и к их режиму»²⁰. Сначала это суждение вызывает резкое неприятие (отчасти связанное с филологической неграмотностью автора). Прежде всего, в стихотворении нет ни намёка на то, что предметный мир здесь символизирует царство «власть имущих»: стены с обоями, благородный хрусталь и кофейный сервиз — обыденность советской действительности второй половины шестидесятых, их хозяева могут принадлежать к любому слою общества. Во-вторых, надо решительно отвергнуть предположение о том, что героя приглашают для развлечения общества: он приходит в таком состоянии, что помнит только первые минуты пребывания в этом «некоем царстве, некотором государстве», все остальное ему рассказывают на следующий день. Обычный же путь у героя песен Высоцкого обратный: трезвого («Прошла пора вступлений и иллюзий...») или мучающегося с похмелья («Смотрины») его заывают петь, и уже после этого начинается «разгул»²¹. Наконец, типично советская формула «антиобщественное поведение» не идет к делу: скандал начинается в квартире, среди своих (в том числе и женщин, за которыми герой ухаживает) и только потом вырывается за ее пределы, но и это ав-

---

²⁰ Корман Я.И. Владимир Высоцкий: Ключ к подтексту. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. С. 22.

²¹ Ср. также в «Желании славы» А. Галича: «Вы налейте по первой, / А уж я вам спою».

тором не акцентировано: на приходит участковый, не приезжает патруль (как это было в истории с Чудаковым), все остается внутри небольшой группы.

Но вместе с тем есть в словах Я. Кормана и некоторая доля истины, о которой, как кажется, свидетельствует небрежная рифмовка (а то и вовсе не рифмовка) последних четырех строк. Отчетливо понимая, что стихотворная техника далеко не всегда связана с психологическими особенностями персонажей стихотворения, попытаемся все же объективировать описанные события и их фиксацию. «Вчера», даже по описаниям сторонних людей, у героя был какой-то невероятный выплеск энергии, во всех своих гротескных подробностях описанный в стихах. Сегодня от него не осталось и следа²², мало того — даже покинуть квартиру невозможно: «Ну, куда теперь выйти с побоями!» И депрессия вкупе с похмельем провоцирует распад даже умения писать стихи. Сравните щегольские рифмы шестой строфы: «в лицо — танцор», «вдова — однава» (и ни одной глагольной) с унылыми в восьмой (ровно половина глагольных) и просто никакими — в последней. То есть перед нами, конечно, никакая не песня протеста, но еще одна блестяще исполненная иллюстрация к формуле советской жизни по Высоцкому:

Мы тоже дети страшных лет России,
Безвременье вливало водку в нас²³.

3. НЕЖДАННАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

В стихотворении Вл. Ходасевича «Ворожба» (цикл «Мыши», книга «Счастливый домик») читаем:

Пусть опять на зов твой мыши
Придут вечер коротать.
Только нужно жить потише,
Не шуметь и не роптать.

На первый взгляд эти строки не предполагают никакого комментария, настолько все в них прозрачно. Однако история русской поэзии дает нам основания такой комментарий сделать. Среди стихов М.М. Хераскова находим следующее:

Всяк на свете сем хлопочет,
Чтоб фортуны основать.

²² Ср. аналогичное окончание «Смотрин».

²³ *Высоцкий Владимир*. Сочинения: В 2 т. М., 1999. Т. 2. С. 139.

Мастером кузнец быть хочет,
Не учась коня ковать.

Всякий мысли взводит выше,
Только лучше жить потише.

[...] ²⁴

И далее еще восемь строф с тем же двустишием-рефреном. В этом стихотворении, опубликованном в 1762 г., Херасков непосредственно развивает жанровую модель стихотворных «Стансов» своего учителя (на тот момент) Сумарокова. Тщета внешней амбициозности ниспровергается резонерским «рецептом» адепта внутреннего морального роста и развития: «Только лучше жить потише». В контексте XVIII в. имели значения масонские или умеренно фрондерские коннотации этого рецепта. Спустя полтора века, как представляется, стихи Хераскова сохраняли лишь потенциал цитатной формулы. Сам факт «цитирования» Ходасевичем этой строки кажется нам бесспорным. А это обозначает комментаторскую проблему.

Прежде всего, возникает вопрос, каким образом Ходасевич познакомился с этими стихами Хераскова. Отдельных посмертных переизданий его стихотворений после 1820 г. вплоть до 1961 г. не было, в хрестоматии и антологии включались преимущественно эпические произведения (часто в сокращении)²⁵. Лирические стихотворения Хераскова не входили в состав обязательного чтения и были, в общем, труднодоступны. Конечно, в начале XX в. издания XVIII и первых лет XIX века не представляли собою особенной редкости, но библиотека Ходасевича если и существовала, то не могла быть значительной в силу его сложного материального положения; получить же сочинения Хераскова для неторопливого чтения на длительный срок было наверняка непросто.

В статьях Ходасевича 1910-х годов имя Хераскова если и появляется, то как реалия времени, о которой можно говорить только в самых общих словах. Единственная характеристика его, которую нам удалось найти, — «автор “Россиады”», что, конечно, не может быть воспринято как вычленение из ряда трудно понимаемой классики XVIII века. И, кажется, единственная попытка объяснения может содержаться в большой дневниковой записи И.Н. Розанова,

---

²⁴ *Херасков М.М.* Избранные произведения / Сост., вст. ст. и комм. А.В. Западава. Л., 1961. С. 114–115.

²⁵ См. библиографическую справку А.В. Западава: *Херасков М.М.* Избранные произведения. С. 375–376. Впрочем, указания на републикации сочинений Хераскова тут не исчерпывающие; ср. хотя бы публ. фрагментов из трех поэм в популярной «Исторической хрестоматии» А. Галахова (СПб., 1861. Т. 1. С. 363–369).

рассказывающей о посещении Брюсова в 1914 году. Сперва там идет речь о феврале 1897 года, когда на пути к дому Брюсов беседует с Ю.И. Айхенвальдом, в эту беседу вслушивается и иногда робко вмешивается сопровождающий их Розанов. «Студент, бывший постарше и годами и курсом другого и повыше своих спутников, говорил о том, что собирает материалы и готовится писать историю русской лирики, но тут же указывал, как много затруднений возникает перед тем, кто хочет взяться за эту задачу. Прежде всего трудно разыскивать сочинения старых поэтов, напр., поэтов XVIII в. Студент пониже и помоложе указал на “Русскую поэзию” Венгерова. — «Но ведь там многого нет, — возразил студент постарше. — напр[имер], нет притч (?) Хераскова, а это самые его ценные произведения.. Херасков вообще был замечательным писателем, а у нас его совсем не ценят и не знают»²⁶.

Пересказывая эту запись в воспоминаниях о Брюсове, написанных в 1924 г., Розанов добавляет к этому дополнительные подробности: «А какие хорошие рифмы были у Хераскова, — не унимался Брюсов, — у него обычно рифмуются и согласные, находящиеся перед ударением»²⁷. И в досыл, говоря про обсуждение доклада Брюсова «Левизна Пушкина в рифмах» в Пушкинской комиссии: «Как-то из оппонентов пренебрежительно отозвался о Хераскове. “Вы ошибаетесь, — отвечал Валерий Яковлевич, — как раз у Хераскова-то рифмы обычно бывают звучные: он обращал внимание и на предшествующие согласные”»²⁸.

И рассказывая о своем визите к Брюсову в феврале 1914 г. и преподнесении своей книжки «Русская лирика», Розанов говорит: «Получив книжку, стал просматривать оглавление, делая замечания и издавая восклицания по поводу встретившихся там имен. [...] “Херасков!” — “Надо, надо говорить о нем. Очень интересный писатель и совершенно не оцененный”»²⁹.

Было бы очень соблазнительно спроецировать эти воспоминания на разбираемую строчку Ходасевича, но это невозможно, поскольку стихотворение было опубликовано за месяц до знакомства Ходасевича с Розановым и более чем за год до выхода «Русской лирики» с главой о Хераскове и разговора 1914 года с Брюсовым. Но сам факт постоянного (1897–1914–1924) интереса Брюсова к Хераскову, видимо, сомнению не подлежит. И Ходасевич, ревниво следивший за старшим поэтом и вхожий в достаточно близкие к нему

²⁶ НИОР РГБ. Ф. 653. Карт. 3. Ед. хр. 16. Л. 57об–58.

²⁷ *Розанов И.Н.* Встречи с Брюсовым // Литературное наследство. М., 1976. Т. 85. С. 762, с исправлением по рукописи.

²⁸ Там же. С. 763.

²⁹ НИОР РГБ. Ф. 653. Карт. 3. Ед. хр. 16. Л. 64–64 об. Эта реплика попала и в воспоминания Розанова.

круги, вполне мог знать об этом увлечении и приложить определенные усилия, чтобы самому познакомиться с его творчеством.

И уж в качестве совсем недоказуемой гипотезы предложим еще одно объяснение, также с Брюсовым связанное. Ходасевич мог вполне сознательно вставить практически неизменный херасковский стих в свое стихотворение, чтобы проверить: узнает ли Брюсов того поэта, которого так прокламирует, упомянет ли об этом в отзыве.

Литература

Высоцкий Владимир. Сочинения: В 2 т. / Сост., подг. текста и комм. А. Крылова / Изд. 13-е, исправленное. М.: Локид, 1999.

Иванова Лидия. Воспоминания. Книга об отце / Изд. подгот. Джон Мальмстад. Paris: Atheneum, 1990. 432 с.

Корман Я.И. Владимир Высоцкий: Ключ к подтексту. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. 384 с.

Лурье Эрлена. Глухое время самиздата. СПб.: Нестор-История, 2009. 232 с.

Новиков Вл.И. Скандинавские встречи // Мир Высоцкого: Исследования и материалы. М.: ГКЦМ В.С. Высоцкого, 1999. Вып. III. Т. 2. С. 453–460.

Прыгунов Лев. Сергей Иванович Чудаков и др. (Из частных хроник 60-х, 70-х, 80-х и 90-х). М.: РУДН, 2011. 349 с.

Розанов И.Н. Встречи с Брюсовым // Литературное наследство. М.: Наука, 1976. Т. 85. С. 759–772.

Херасков М.М. Избранные произведения / Сост., вст. ст. и комм. А.В. Западава. Л.: Сов. писатель, 1961. (Биб-ка поэта. Б.с.) 410 с.

Цыбульский Марк. Время Владимира Высоцкого. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. 472 с.

Чудаков Сергей. Справка по личному делу. М.: Культурная революция, 2014. 512 с.

References

Chudakov, Sergei. *Spravka po lichnomu delu*. Moscow: Kul'turnaia revoliutsiia publ., 2014. 512 p.

Ivanova, Lidiia. *Vospominaniia. Kniga ob ottse*, ed. J. Malmstad. Paris: Atheneum, 1990. 432 p.

Kheraskov, M.M. *Izbrannye proizvedeniia*, ed., comm. A.V. Zapadova. Leningrad: Sovetsky pisatel', 1961 (Bib-ka poeta). 410 p.

Korman, Ya.I. *Vladimir Vysotskii: Kliuch k podtekstu*. Rostov-na-Donu: Fenix publ., 2006. 384 p.

Lurie, Erlena. *Glukhoe vremia samizdata*. St. Petersburg: Nestor-Istorija publ., 2009. 232 p.

Novikov, Vl.I. "Skandinavskie vstrechi". *Mir Vysotskogo: Issledovaniia i materialy*. Moscow: GKTSM V.S. Vysotskogo publ., 1999. Issue III. V. 2. P. 453–460.

Prygunov, Lev. *Sergei Ivanovich Chudakov i dr. (Iz chastnykh khronik 60-kh, 70-kh, 80-kh i 90-kh)*. Moscow: RUDN publ., 2011. 349 p.

Rozanov, I.N. "Vstrechi s Briusovym". *Literaturnoe nasledstvo*. Moscow: Nauka Publ., 1976. V. 85. P. 759–772.

Tsybul'sky, Mark. *Vremia Vladimira Vysotskogo*. Rostov-na-Donu: Fenix, 2009. 472 p.

Vysotskii, Vladimir. *Sochineniia*: in 2 vols., ed., comm. A. Krylov. 13th corrected ed. Moscow: Lokid publ., 1999.

From the Notes of a Commentator

Nikolay A. Bogomolov

Abstract: The notes specify the addressing of a record by Andrey Bely (1916), restore a context for Vladimir Vysotsky's song "God, where was I last night?" and make an attempt to explain a surprising citation from M. Kheraskov in V. Khodasevitch's early poem: "Vorozhba" ("Fortune-telling") (1913).

Keywords: historico-literary commentary, intertextual commentary, Andrey Bely, Vladimir Vysotsky, Vladislav Khodasevitch, citations, reminiscences.

Information about the author: Nikolay A. Bogomolov, Doctor Hab., Professor, Moscow State University. E-mail: nab50@mail.ru